

ВЕНЕЦИАНСКАЯ НОЧЬ,
или
СВАДЬБА ЛАУРЕТТЫ

Комедия в одном действии

1830

Коварна, как волна,
Шекспир

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Принц Эйзенахский.
Маркиз делла Ронда.
Рацетта.
Личный секретарь Гримм.
Лауретта.
Два молодых венецианца.
Две молодые женщины.
Госпожа Бальби, дуэнья Лауретты,
лицо без речей.

Действие происходит в Венеции.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

УЛИЦА. В ГЛУБИНЕ — КАНАЛ. НОЧЬ.

Рацетта выходит из гондолы. Лауретта
появляется на балконе.

Рацетта. Вы уезжаете, Лауретта? Это правда, что вы уезжаете?

Лауретта. Я не могла поступить иначе.

Рацетта. Вы покидаете Венецию?

Лауретта. Да, завтра утром.

Рацетта. Итак, ужасный слух, который носился по городу, вполне справедлив: вас продают принцу Эйзенахскому. Какое торжество! Ваш гордый опекун не умрет от радости? О, подлый, низкий придворный!

Лауретта. Умоляю вас, Рацетта, не говорите так громко: моя душенька — в соседней комнате; меня ждут, я могу только сказать вам «прости».

Рацетта. «Прости» навек?

Лауретта. Навек.

Рацетта. Я достаточно богат, чтобы последовать за вами в Германию.

Лауретта. Вы не должны этого делать. Не будем, друг мой, противиться воле небес.

Рацетта. Воля небес покорится воле человека. Хоть я и проиграл в карты половину моего состояния, повторяю вам, у меня хватит средств, чтобы последовать за вами, и я на это решился.

Лауретта. Вы этим погубите нас обоих.

Рацетта. Велякодушные уже не в моде на земле.

Лауретта. Я это вижу; вы в отчаянии.

Рацетта. Да; и неосторожно было бы приглашать меня на вашу свадьбу.

Лауретта. Послушайте, Рацетта, вы знаете, что я очень любила вас. Если бы мой онекуп дал согласие, я уже давно была бы ваша. Но девушка в этом мире не от себя зависит. Видите, в каких руках моя судьба; да и вы сами, разве вы не можете погубить меня вспышкой гнева? Я покорилась своей участи. Я знаю, она вам может казаться блестящей, счастливой... Прощайте! Прощайте! Я больше не могу говорить с вами. Вот возьмите мой золотой крест — прошу вас сохранить его.

Рацетта. Брось его в море — я последую за ним.

Лауретта. Боже мой, опомнитесь!

Рацетта. Ради кого столько дней и столько ночей бродил я, как убийца, около этих стен? Ради кого я все покинул? Я не говорю о моих обязанностях, я презираю их; я не говорю о моей родине, о семье, о друзьях — с помощью золота это всюду можно пайти. Но наследство моего отца — где оно? Я утратил мои эполеты. В целом мире я дорожку вами одной. Нет, нет, тот, кто ставит на карту всю свою жизнь, не должен так скоро бросать игру.

Лауретта. Но чего вы от меня хотите?

Рацетта. Я хочу, чтоб вы ехали со мною в Геную.

Лауретта. Как я могу? Разве вы не знаете, что та, с которой вы говорите, уже не принадлежит себе? Увы! Рацетта, я — принцесса Эйзенбахская.

Рацетта. О хитрая венецианка, это слово, слетая с твоих губ, заставило тебя все-таки улыбнуться.

Лауретта. Мне надо идти... Прощай, прощай, друг мой.

Рацетта. Ты покидаешь меня? Берегись; до сих пор я не был из числа тех, кого гнев делает слабым. Я пойду со шпагой в руке требовать тебя у твоего приемного отца.

Лауретта. Я предвидела, что эта ночь будет для нас роковою. Ах! Зачем я согласилась еще раз повидать вас!

Рацетта. Разве ты француженка? Или солнце в день твоего рождения было так бледно, что кровь застыла в твоих жилах? Или ты меня не любишь? Неужели благословение пана, несколько слов короля в одно мгновение изменило все, что два месяца пытки... или, быть может, мой соперник...

Лауретта. Я не видела его.

Рацетта. Как? Но ведь ты принцесса Эйзенахская.

Лауретта. Вы не знаете придворных обычаев. Посол принца, барон Гримм, его личный секретарь, прибыл сегодня утром.

Рацетта. Понимаю. Твою холодную руку вложили в руку наглого вассала, облеченного доверием господина; королевское полномочие, освященное угодливым капелланом его светлости, соединило в глазах света два существа, друг другу незнакомые. Я знаю эти церемонии. И ты, твое сердце, твоя голова, твоя жизнь — все это стало предметом торга и продано этими своднями тому, кто больше дает; королевская корона навсегда сделала тебя рабою; а меж тем твой жених, утопая в наслаждениях придворной жизни, равнодушно ждет, что его супруга...

Лауретта. Он сегодня вечером приезжает в Венецию.

Рацетта. Сегодня вечером? Вот как! Сообщать мне об этом — тоже неосторожно.

Лауретта. Нет, Рацетта, я не могу поверить, чтобы ты желал моей гибели; я знаю, кто ты и какую репутацию создали тебе поступки, которые должны были бы оттолкнуть меня от тебя. Как я полюбила тебя, как позволила тебе любить меня, — это я не в силах объяснить. Сколько раз меня пугал твой буйный нрав — следствие беспорядочной жизни, которая должна была бы предупредить меня об опасности, грозившей мне! Но сердце у тебя доброе.

Рацетта. Ты ошибаешься; я не подлец, вот и все. Я не стану добром платить за зло, но — клянусь небом! — я умею платить злом за зло. Хотя я и очень молод, Лауретта, мне слишком хорошо знакомо то, что принято называть жизнью, и со дня этого моря я вынес презрение к тому, что видно на его поверхности. Будь уверена, ничто не может меня остановить.

Лауретта. Что ты сделаешь?

Рацетта. Тебя во всяком случае не должен пугать мой талант убивать людей. Я имею дело с врагом, кровь которого создана не для моей шпаги.

Лауретта. Так что же?..

Рацетта. Не все ли тебе равно? Я сам о себе позабочусь. Я вижу, в галерее появились факелы; тебя ждут.

Лауретта. И не уйду с этого балкона, пока ты не обещаешь мне, что не предпримешь ничего ни против себя, ни против...

Рацетта. Ни против него?

Лауретта. Ни против той Лауретты, которую ты любил, если верить твоим словам, и которую ты хочешь погубить. О Рацетта! Не терзайте меня; ваш гнев приводит меня в трепет. Умоляю вас, дайте мне слово, что вы ничего не предпримете.

Рацетта. Обещаю вам, что крови не будет.

Лауретта. Что вы ничего не сделаете, что вы будете ждать, что вы постараетесь меня забыть и...

Рацетта. Предлагаю вам другое: позвольте мне ехать за вами.

Лауретта. О боже мой! Ехать за мною!

Рацетта. Такой ценой — я согласен.

Лауретта. Идут... Мне надо уйти... Заклинаю вас небом... Клянетесь ли...

Рацетта. Обещаете ли вы мне? Тогда и я обещаю.

Лауретта. Рацетта, я доверяюсь вашему сердцу; любовь к женщине могла пайти в нем место, в нем найдется место и для уважения к этой женщине. Прощайте, прощайте! Так вы не хотите взять этот крестик?

Рацетта. О жизнь моя! (*Берет крест.*)

Она уходит.

Итак, я потерял ее. Было время, Рацетта, когда эта гондола, освещенная цветным фонарем, посылала по морю беззаботнейшего из его сыновей. Ты весь отдавался забавам молодости, бешеной страсти к картам; ты был весел, свободен, счастлив; так по крайней мере говорили; поступки твои направляло непостоянство, которое в таком близком родстве с безумием; бросить женщину — это стоило тебе нескольких слез, быть брошенным — стоило тебе улыбки. До чего же ты дошел?

О глубокое море, легко тебе, к счастью, погасить искру. Тебя, бедный крестик, наверно, в день рождения или какого-нибудь праздника надели на безмятежную грудь ребенка; старик отец благословлял свое дитя; в тиши ночей, у изголовья постели, ты охранял сон невинности; обожаемые уста, быть может, не раз касались тебя в вечерней молитве; ты недолго останешься в моих руках.

Лучшая часть твоей жизни завершилась; я уношу тебя с собою, и здешние рыбаки найдут тебя, покрытым ржавчиной, на моей груди.

Лауретта! Лауретта! О, я чувствую, что я слабее женщины. Отчаянье убивает меня, я не могу не плакать.

С моря доносится музыка. Проплывает гондола,
в ней — женщины и музыканты.

Женский голос. Держу пари, это Рацетта.

Другой. Это он, под окнами прекрасной Лауретты.

Молодой человек. Все на том же месте! Эй, Рацетта! Да исужели же первый повеса Венеции отвергнет затею безумцев? Приглашаю тебя принять участие в нашем маскараде и ехать с нами веселиться.

Рацетта. Оставьте меня, сегодня я не могу; прошу меня извинить.

Одна из женщин. Рацетта, вы поедете; мы вернемся через час. Пусть не говорят, что мы не имеем на вас никакого влияния и что Лауретта заставила вас позабыть ваших друзей.

Рацетта. Сегодня свадьба, разве вы не знаете? Я приглашен и не могу не пойти. Прощайте, желаю вам веселиться; дайте мне только маску.

Женский голос. Прощай, отступник! *(Бросает ему маску.)*

Молодой человек. Прощай, волк, ставший пастухом. Если ты еще будешь здесь, мы на обратном пути захватим тебя.

Музыка. Гондола удаляется.

Рацетта. Мое решение внезапно изменилось. Эта маска мне пригодится. Как может человек быть так безумен, чтобы решиться расстаться с этой жизнью, пока не истощилась надежда на успех? Тот, кто проигрывает в карты свое состояние, разве отойдет от стола, пока у него есть хоть один золотой? Одна монета может вернуть ему все. В плодородной руде еще может открыться богатая жила. То же самое — и надежда. Да, я решил идти до конца.

Впрочем, смерть всегда с нами; не повсюду ли она под ногами человека, и не на каждом ли шагу встречает он ее в этой жизни? Вода, огонь, земля — все извечно таит ее в себе; человек всюду видит ее, едва начнет искать; она всегда рядом с ним.

Давай, однако, сообразим. Что у меня в сердце?

Ненависть и любовь! Ненависть — это убийство. Любовь — это похищение. Вот что всякий человек увидел бы в моем положении.

Но мне надо изобрести что-нибудь новое, ибо я имею дело с коронованной особой. Да к тому же всякое избитое средство мне противно. Итак, раз уж я решился рискнуть головою, надо продать ее как можно дороже. Какие толки я завтра вызову в Венеции? Будут ли говорить: «Рацетта утопился с отчаянья, что его бросила Лауретта»? Или: «Рацетта убил принца Эйсенахского и похитил свою возлюбленную»? Все это избито. «Лауретта бросила его, а он забыл ее через четверть часа»? Это было бы лучше; но как это сделать? Хватит ли у меня мужества на это?

Если бы сказали: «Рацетта, замаскировавшись, сперва пропик к своей возлюбленной», далее: «При помощи записки, которую он сумел передать ей и которой он ее предупредил, что в такой-то час...» Тут мне нужен был бы... ониум... Нет! Ни к чему эти сомнительные или робкие яды, от которых, как придется, наступает сон или смерть. Железо более надежно. Но такая слабая рука? Не все ль равно! Все дело в смелости. Слухи же, которые завтра утром пронесутся по городу, будут странны и новы.

В доме опять появляются огни.

Радуйся, несправедливое семейство, я иду; тот, кто ничего не боится, может внушать боязнь. *(Надевает маску и входит.)*
Г о л о с *(за сценой)*. Куда вы?

Рацетта *(за сценой)*. Я приглашен на ужин к маркизу.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Зал с выходом в сад.

Гуляют несколько масок.

Маркиз, секретарь.

Маркиз. Какая честь для меня, господин личный секретарь, что вы находите некоторое удовольствие в этом празднестве, совершенно недостойном внимания.

Секретарь. Все прекрасно, и ваш сад прелестен. Лишь в Италии встречаются такие восхитительные сады.

Маркиз. Да, это английский сад. Не желаете ли отдохнуть или выпить чего-нибудь холодного?

Секретарь. Отнюдь.

Маркиз. Что вы скажете о моих музыкантах?

Секретарь. Они превосходны; надо сознаться, господин маркиз, что в этом отношении ваша страна заслужила свою славу.

Маркиз. Да, да, это немцы. Они вчера приехали из Лейпцига и еще ни у кого не играли в этом городе. Как бы я был счастлив думать, что балет доставил вам хоть некоторое развлечение!

Секретарь. Было чудесно! Прекрасно танцуют в Венеции!

Маркиз. Это французы. Каждая баядера обходится мне в двести флоринов. Быть может, вы хотите пройти на эту террасу?

Секретарь. Я с наслаждением полюбуюсь ею.

Маркиз. Не могу выразить вам мою признательность. Как вы думаете, в котором часу прибудет принц, наш государь? Ибо новый сал, который он мне...

Секретарь. В десять или одиннадцать часов.

Уходит, разговаривая. Входит Лауретта; госпожа Бальби встает и идет ей навстречу. Обе они останавливаются, облокотившись на балюстраду в глубине сцены, и, по-видимому, разговаривают. В эту минуту на авансцену выходит Рацетта в маске.

Рацетта. Это как будто Лауретта. Да, это она вошла. Но как поговорить мне с нею и остаться незамеченным? Как только я вступил в эти сады, все мои замыслы рухнули и уступили место гневу. Лишь одно намерение осталось: либо оно осуществится, либо я умру. *(Подходит к столу и пишет несколько слов карандашом.)*

Секретарь *(возвращаясь, маркизу)*. А, вот один из кавалеров вашего бала пишет любовную записку! Таков в Венеции обычай?

Маркиз. Это обычай, который, как вы понимаете, сударь, чужд молодым девушкам. Не хотите ли сыграть в карты?

Секретарь. С удовольствием; это очень приятный способ времяпрепровождения.

Маркиз. Так сядемте, если вам угодно, господин секретарь. Я так польщен. Принц, сказали вы, должен прибыть в десять или одиннадцать часов? Итак, это будет через четверть часа или через час с четвертью, потому что сейчас ровно без четверти десять... Ваш ход.

Секретарь. Поставим по пятидесяти флоринов?

Маркиз. С удовольствием. То, как его светлость влюбился в принцессу, нашу дорогую племянницу, — увлекательная повесть; о ней, барон, я мог догадаться по вашим словам. Имею честь просить вас ходить с ним.

Секретарь. Как я вам говорил, он видел ее портрет; это несколько напоминает волшебную сказку.

Маркиз. Бесспорно! О, о, прелестно! По портрету!.. Ник у меня больше нет, я проиграл... Итак, вы сказали?..

Секретарь. Этот портрет — он, правда, отличался удивительным сходством и, стало быть, совершенной красотой...

Маркиз. Вы слишком любезны.

Секретарь. Не угодно ли отыгаться?

Маркиз. С удовольствием... Совершенной красотой...

Секретарь. Он долго стоял у него на столе, за которым он обычно работает. Принц, откровенно говоря... Хожу с красной... истинный оригинал.

Маркиз. В самом деле? Вот как! Я впе себя от счастья при мысли, что в течение часа... Вот и я с красной...

Секретарь. Он терпеть не мог женщин, по крайней мере он так говорил. У него причудливейший характер! Он не любит ни карт, ни охоты, ни искусств. Вы опять проиграли.

Маркиз. О! О! Это крайне мило!.. Как! Он не любит всего этого?.. Да, да, вы совершенно правы, я проиграл. Это восхитительно.

Секретарь. Он много путешествовал, особенно по Европе. О его намерениях мы узнавали всегда только утром в тот самый день, когда он отправлялся в какое-нибудь путешествие, порою весьма продолжительное. «Подать лошадей, — говорил он, вставая, — мы едем в Париж».

Маркиз. Я слышал то же самое об императоре Бонапарте. Странное совпадение.

Секретарь. Брак этот был так же своеобразен, как и его путешествия: он дал мне распоряжение, как будто речь шла о самом незначительном событии в его жизни; ведь принц паш — это воплощение лениности. «Как, государь, — сказал я ему, — не видел ее!» — «Тем более», — сказал он мне; вот все, что он ответил; уезжая, я оставил весь двор в смятении и страшной тревоге.

Маркиз. Это понятно... Да, да. Впрочем, принц не мог избрать себе представителя более достойного, чем вы, господин секретарь. Надеюсь, вы не сомневаетесь в моей искренности. Я снова проиграл.

Секретарь. Вы удивительно несчастливы в игре.

Маркиз. Да, не правда ли? Это весьма примечательно! Один из моих друзей, человек остроумный, шутил третьего дня, во время игры у одного из влиятельнейших сенаторов нашего города, что мне остается одно только средство, чтобы выиграть, — держать пари, что я проиграю.

Секретарь. Ха-ха! И правда!

Маркиз. Я ему ответил: это можно было бы назвать удачной неудачей. Ха-ха! (Смеется.)

Секретарь. Бесспорно.

Маркиз. Эти два слова, я думаю, не часто встречаются рядом... Ха-ха! Но разрешите, ради бога, задать вам один вопрос: любит ли музыку его светлость?

Секретарь. Очень. Это его единственное развлечение.

Маркиз. Как же я счастлив, что заставил мою племянницу уже с одиннадцати лет учиться играть на арфе и на фортепиано! Быть может, вам будет угодно послушать, как она поет?

Секретарь. Разумеется.

Маркиз (*слуге*). Доложите прищессе, что я желаю с ней поговорить. (*Лауретте, которая входит.*) Лаура, прошу вас, дайте нам послушать ваше пение. Господин секретарь желает, чтобы вы доставили нам это удовольствие.

Лауретта. Охотно, дорогой дядя; какую арию лучше спеть?

Маркиз. *Di piacer, di piacer, di piacer.* Моя племянница никогда не заставляет просить себя.

Лауретта. Помогите мне открыть рояль.

Рацетта (*по-прежнему в маске, подходит и открывает рояль; тихо*). Прочтите это, когда будете одна.

Она берет от него записку.

Секретарь. Прищесса бледнеет.

Маркиз. Милая дочь моя, что с вами?

Секретарь. Ничего, ничего, это прошло.

Маркиз (*тихо секретарю*). Вы понимаете, что молодая двушка...

Лауретта берет первые аккорды.

Слуга (*входит, тихо маркизу*). Его светлость только что изволил войти в сад.

Маркиз. Его светл.! Идемте к нему навстречу. (*Встает.*)

Секретарь. Напротив. Позвольте мне сказать вам два слова?

В это время Лауретта играет ритуриель *pianissimo*.

Вы видите, что принц только вас предупреждает о своем прибытии. Пусть все ваши гости удалятся. Я знаю обычаи, и мне известно, что при всех дворах принято представляться; но то, что принято всюду, не может понравиться нашему молодому государю. Лишь мы с вами вдвоем пойдем навстречу к принцу. Повобрачная, с вашего позволения, останется здесь.

Маркиз. Что вы? Одна — здесь?

Секретарь. Я исполняю приказания принца.

Маркиз. Так я, господин барон, сейчас же отдам распоряжения; во всем повиноваться малейшему желанию его свет-

лости — это для меня первый, священный долг. Все же не надо ли мне предупредить мою племянницу?

Секретарь. Разумеется.

Маркиз. Лауретта! *(Шепчет ей на ухо.)*

Минуту спустя маски расходятся по саду и оставляют сцену пустой. Маркиз и Секретарь уходят вместе.

Лауретта *(оставшись одна, вынимает записку Рацетты, спрятанную на груди, и читает)*. «Гляты, которые я тебе дал, не могут заставить меня удалиться. Мой кинжал спрятан под клавирами. Возьми его и нанеси удар моему сопернику, если до одиннадцати часов тебе не удастся вырваться и выйти ко мне. — я жду под твоим балконом. Поверь мне, если ты не согласишься, я дождусь, пока пробьют часы, и смерть моя решена. Рацетта». *(Смотрит вокруг себя.)* Я одна здесь!.. *(Берет кинжал.)* Все погибло: я его знаю, он на все способен. О боже! Как будто поднимаются на террасу. Неужели это уже принц? Нет, все тихо. «В одиннадцать часов, если тебе не удастся вырваться, — поверь мне, — если ты не согласишься, смерть моя решена!» О Рацетта, Рацетта! Безумец, дорого же мне стоит эта любовь! Бежать?.. И с кем?.. С игроком, почти разорившимся? С человеком, который опаснее всякого несчастья... Что, если я предупрежу принца! О небо! Он идет. Но Рацетта! Он, конечно, убьет себя под моими окнами... Принц не замедлит явиться; я вижу, по оражкерее проходят с факелами нажи; ветер колеблет огни; прислушаемся... Какой странный трепет овладевает мною!.. Кто этот человек, что сейчас придет ко мне?.. Незнакомые друг другу... Что он мне скажет?

Голос *(за сценой)*. Не угодно ли его светлости подняться на эту лестницу?

Лауретта. Это он! Он идет. *(Прислушивается.)* Я не в силах встать; спрячем этот кинжал. *(Прячет его на груди.)* Так ты идешь на смерть, принц Эйзенбахский?.. О! Моя смерть тоже решена. *(Высовывается из окна.)* Рацетта медленными шагами ходит вдоль берега!.. Мне от него не уйти... Что же!.. Надо, однако, собраться с силами, скрыть, что я чувствую... так надо... Час настал. *(Смотрится в зеркало.)* Боже! Как я бледна! И волосы в беспорядке...

В глубине сцены появляется Принц; в руке у него портрет; он медленно приближается, глядя то на Лауретту, то на портрет.

Принц. Совершенство!

Лауретта оборачивается, она удивлена.

И все же, как всюду и во всем, искусство ниже природы, особенно когда оно старается ее украсить! Белизну этой кожи

можно было б назвать бледностью; но здесь я вижу, как розы одерживают верх над злыми. В глазах этих больные животные, — волосы эти чернее. Совершеннейшая картина — только чей: все в ней — только поверхностно; неподвижность леденит; в ней совсем нет души; в этой красоте все -- внешнее. Впрочем, даже вот эта черта с левой стороны...

Лауретта делает несколько шагов. Принц все так же смотрит на нее.

Все равно — я доволен Гриммом; вижу, что он не обманул меня. (*Садясь.*) Этот маленький дворец очень мил; мне говорили, что у бедняжки ничего нет. И что же! Он, оказывается, изысканный человек — мой дядя, господин... господин... (*Лауретте.*) Ваш дядя, кажется, маркиз?

Лауретта. Да... ваша светлость.

Принц. Я поддаюсь соблазну — уехать из этой старой чопорной Германии и поселиться здесь. Ах, черт возьми! Я и не подумал, здесь надо ходить цепком. Неужели все женщины в этом городе столь же прекрасны, как вы?

Лауретта. Ваша светлость...

Принц. Вы краснеете... Кого же вы боитесь? Мы одни.

Лауретта. Да... но...

Принц (*вставая*). Или, может быть, мой нанятый секретарь плохо справился с моим поручением? Соблюдены ли обычные церемонии? Не упущено ли что-нибудь? Тогда прошу извинить меня; я думал, что первые четыре действия комедии сыграны и что я появляюсь только к пятому.

Лауретта. Мой опекун...

Принц. Вы дрожите? (*Берет ее руку.*) Присядьте на этот диван. Умоляю вас ответить на мой вопрос.

Лауретта. Ваша светлость извинит меня; не скрою, что мне... немного нездоровится... пусть ваша светлость не удивляется.

Принц. Вот превосходный укус. (*Подает ей флакон.*) Вы очень молоды, синьора, и я — тоже. Но так как романы не запрещены мне, равно и комедии, трагедии, повести, повести и мемуары, я могу научить вас тому, чему они научили меня. Во всякой музыкальной пьесе бывает интродукция, тема, две или три вариации, анданте и престо. Во время интродукции музыканты еще не успели сыграть, они стараются не разойтись, ищут помощи друг у друга, прищипываются, соразмеряются один с другим; тема приводит их в согласие; все замолкает или тихонько подыгрывают, в то время как один гармонический голос возвышается над ними; считаю ненужным раскрывать эту аллегория. Вариации бывают более или менее продолжительны, смотря по тому, что испытывает мысль: негу или усталость. Тут, бесспорно, начинается самое лучшее:

анданте, с глазами, влажными от слез, медленно течет, руки соединяются; это романтика, великие чувства, маленькие обещания, умиление, меланхолия. Мало-помалу все улаживается; любовник больше не сомневается в сердце любимой; возрождается радость, а стало быть и счастье: здесь место для апостольско-римского благословения, ибо иначе, если пачнется престо... Вы улыбаетесь.

Лауретта. Я улыбнулась при мысли...

Прииц. Я угадал ее. Мой посол упустил адажно.

Лауретта. Кажется, сфальшивил.

Прииц. Я должен буду исправить его упущения. Однако не это входило в мой план. То, что вы мне сказали, заставляет меня задуматься.

Лауретта. О чем?

Прииц. О теории профессора Майера из Франкфурта-на-Одере.

Лауретта. А!

Прииц. Да, он ошибся, если вы родились в Венеции.

Лауретта. В этом самом доме.

Прииц. Черт возьми! Меж тем он утверждал, будто ваши соотечественники всего менее ценят именно то, чего недостает...

Лауретта. Личному секретарю?

Прииц. И кроме того, что о характере можно судить по портрету. Вы могли бы, я вижу, выдержать спор. *(Целует ей руку.)* Вы все еще дрожите.

Лауретта. Я не знаю... я... нет...

Прииц. К счастью, я стою между окном и часами.

Лауретта. Что сказала ваша светлость?

Прииц. Что эти две точки страшным образом привлекают ваше внимание. Мне кажется, вы меня боитесь.

Лауретта. Почему?.. несколько... я... я не могу от вас скрыть...

Прииц. Эта рука говорит совсем другое. Любите ли вы драгоценности? *(Надевает ей браслет.)*

Лауретта. Какие великолепные бриллианты!

Прииц. Теперь это уже не в моде. Но что я вижу? Забыли про кольцо.

Лауретта. Секретарь...

Прииц. Вот кольцо: у меня в карманах всегда есть такие игрушки. Право же, вы хотите знать, который час.

Лауретта. Нет... я искала...

Прииц. Я слышал, что порою и француз смущается в присутствии итальянки. Вы встаете?

Лауретта. Мне нездоровится.

Прииц. Вы хотите стать у окна?

Лауретта (*у окна*). Ах!

П р и н ц. Ради бога, что с вами? Неужели я и вправду так несчастен, что внушаю вам страх? (*Снова сажает ее на диван.*) Если так, я несчастнейший из людей, ибо я люблю вас и не смогу жить без вас.

Лауретта. Слова насмешка? Это насмешка невеликодушная, принц.

П р и н ц. Гордость? Благоволите выслушать меня. Я вообразил себе, что женщине душа ее дорожке тела, — вопреки всеобщему мнению, по которому она сперва позволит влюбиться в нее и лишь потом сама признается в любви и, таким образом, сокровище своего сердца отдаст прежде, чем согласится отдать малейшую долю сокровища своей красоты. Я захотел, да, я во что бы то ни стало захотел опровергнуть этот общепринятый взгляд; повизна — моя страсть. Прихоть и леность, эти две единственные богини, которым я воскурял фимнам, заставляли меня напрасно скитаться по свету; преследуемый моим странным замыслом, я ничего не находил. Я, может быть, неясно выражаюсь. Мне явилась странная мысль — стать мужем женщины, прежде чем сделаться ее любовником. Я захотел узнать, найдется ли действительно душа столь гордая, что останется замкнутой в то время, когда раскроются объятия, и отдаст уста безмолвным поцелуям; вы понимаете, что эту силу я боялся найти в равнодушии. Во всех странах, любимых солнцем, я искал черты, которые могли бы мне сказать, что под ними таится шальная душа; я искал красоту во всем ее блеске, ту любовь, что рождается от одного взгляда; я стремился найти лицо, красота которого заставила бы меня забыть, что все же оно не так прекрасно, как незримое существо, которое оно одушевляет; бесчувственный ко всему, я устоял против всего... кроме одной женщины, — кроме вас, Лауретта, вас, от которой я узнаю, что я несколько ошибся в моих гордых замыслах; вас, перед которой я не хотел, прежде чем сделаюсь вашим мужем, спрятать маску, скрывающую в этом мире лицо мужчины. Вы сорвали ее с меня, и умоляю вас меня простить, если я оскорбил вас.

Лауретта. Принц, ваши слова меня приводят в смущение... должна ли я верить?..

П р и н ц. Принцесса Эйзенахская должна меня простить; она должна позволить своему супругу стать покорнейшим из любовников; она должна забыть все его безумие...

Лауретта. И весь его ум?

П р и н ц. Он меркнет перед вашим. Красота и ум...

Лауретта. Ничто. Посмотрите, как мало мы похожи друг на друга.

Принц. Если эти два качества так мало значат для вас, я возвращусь к моей грёзе.

Лауретта. Каким образом?

Принц. Начну с красоты.

Лауретта. И забудете об уме?

Принц. Берегитесь человека, который просит прощения; ему того и гляди захочется заслужить два прощения!

Лауретта. Это лишь в теории...

Принц. Нет. (*Целует ее.*) Однако вы, я вижу, все еще взволнованы. Держу пари, что, как вы ни молоды, вы уже строили предположения.

Лауретта. Какие? Их же столько, а особенно в такой день, как сегодня!

Принц. Я говорю лишь о тех, которые касаются качеств супруга. Может быть, во мне вы не найдете ничего такого, что позволяло бы предполагать эти качества. Скажите мне, размышляли ли вы когда-нибудь всерьез об этом важном и значительном предмете? Из какой благодушной глины, из каких легчайших элементов слепили вы заранее это существо, от появления которого сменяется бессонницей столько безмятежных ночей? Вы, быть может, воспитывались в монастыре?

Лауретта. Нет.

Принц. Подумайте, милая принцесса, о том, что если вас стесняла ваша паставница, если вам досаждал ваш опекун, если за вами подсматривали, если вас журили иногда, то завтра (ведь завтра, не так ли?) вы вступите в мир власти и тирании; вы будете дышать сладостным воздухом самой аристократической бомбоньерки; я говорю о моем маленьком дворе, вернее — вашем дворе, ибо я — первый из ваших подданных. Вас будет сопровождать важная дуэнья, но я буду платить ей за то, чтобы она ничего не говорила вашему мужу. Любите вы лошадей, охоту, празднества, театр, конфеты, поклонников, стихки, бриллианты, ужины, танцы, маски, собачек, сумасбродные затеи? Все это польется дождем. Затворившись в самом отдаленном флигеле вашего дворца, принц будет видеть и знать только то, чего вы не захотите скрыть. Пожелаете ли вы, чтобы он принял участие в ваших развлечениях, — приказание королевы заставит короля надеть охотничий, бальный или траурный наряд. Захочется вам остаться одной? Даже если все серенады мира зазвучат под вашими окнами, принц из глубины своей готической башни ничего не услышит; вашим двором будет править один закон — воля королевы. Но вдруг вы окажетесь одной из тех женщин, которых так же привлекают честолюбивые планы, почести, власть? Это меня удивило бы и моего старика

доктора — тоже, но не все ли равно? Тогда игрушки, которые я предоставил бы для вашего развлечения, были бы другого сорта: прежде всего, это были бы марионетки, называемые министрами, советниками, секретарями; подобно карточному домику, все политическое здание их мудрости зависело бы от одного дуновения ваших уст, вокруг вас волновались бы заросли того тростника, который сгибается и выпрямляется по произволу придворного ветра; вы стали бы деспотом, если бы не захотели быть королевой. Пусть же ни одна из ваших грез не останется неосуществленной, ни одна фантазия, ни одно хоть самое слабое желание не должны ускользнуть от тех, кто вас окружает и чья жизнь всецело посвящена повиновению вам. Вы будете выбирать ваши прихоти, это и будет весь ваш труд, синьора; и если страна, которую я вам описываю...

Лауретта. Это рай для женщин.

Принц. Вы будете его богиней.

Лауретта. Но вечен ли будет этот сон? И мыльный пузырь не лопнет?

Принц. Никогда.

Лауретта. Ах! Что уверит меня в этом?

Принц. Единственное ручательство — моя несказанная, сладостная лень. Вот уже скоро двадцать пять лет, как я пытаюсь жить, Лауретта. Это меня утомило; я устал от своей жизни; эту нить, готовую порваться, я привязываю к вашей жизни; вы будете жить за меня, я же отрекаюсь. Возьмете ли вы на себя этот труд? Я поручаю вам заботу о днях моей жизни, моих думах, моих поступках; а что касается моего сердца...

Лауретта. Вы и его поручите мне?

Принц. Лишь тогда, когда вы признаете его достойным этого; до тех пор у меня есть ваш портрет. Я люблю его, и всем ему обязан; я все обещал ему, чтобы все это исполнить для вас. Прежде я мог бы быть доволен и этим; но я захотел увидеть, как он улыбается... вот и все.

Лауретта. Это опять теория.

Принц. Это мечта, как все на свете. *(Целует ее.)* Что это у вас тут? Венецианская игрушка? Если мы будем жить мирно, она ни к чему; если ж начнется война, я обезоружу противника. *(Берет у нее кинжал.)* А что касается раздушенного листка бумаги, спрятавшегося под этими легкими складками платья, муж отнесется к нему с уважением. Но принцесса Эйзенбахская краснеет?

Лауретта. Принц!

Принц. Вы удивляетесь тому, что я улыбнулся? Мне запомнились слова Шекспира о женщинах вашего города.

Лауретта. Какие слова?

П р и н ц. «Коварны, как волна». Разве запрещено радоваться тому, что у тебя есть соперники?

Л а у р е т т а. Вы думаете?..

П р и н ц. Если только это — не счастливые соперники, а этот — не из их числа.

Л а у р е т т а. Почему?

П р и н ц. Потому что он пишет записки.

Л а у р е т т а. Теперь моя очередь улыбнуться: в ваших словах есть крупица презрения.

П р и н ц. Презрения к женщинам? Только глупцы считают возможным презирать женщин.

Л а у р е т т а. Что же вам нравится в них?

П р и н ц. Все, и больше всего их недостатки.

Л а у р е т т а. Итак, слова Шекспира...

П р и н ц. Я бы хотел, чтобы они стали ответом на записку.

Л а у р е т т а. А что скажет свет?

П р и н ц. Это мысль французская, и от вас я этого не ждал...

Л а у р е т т а. Вы хотите оскорбить Францию? Вы говорили о красоте и об уме. Первое из благ...

П р и н ц. Это сердце. Ум и красота служат ему лишь погрывалом.

Л а у р е т т а. Ах! Как знать, что увидит тот, кто его приподымет? Это дерзко!

П р и н ц. Ничего дерзкого не бывает после свадьбы... Вы все еще дрожите?

Л а у р е т т а. Мне послышался шум.

П р и н ц. В самом деле, мы почти в саду; если ничто не приковывает вас к этому дивану...

Л а у р е т т а. Нет...

Они встают; принц хочет увести ее.

П р и н ц. Кого вы боитесь — любовника или мужа?

Л а у р е т т а. Ночи.

П р и н ц. Она тоже коварна, но она скромна. Что же вы решились доверить ей?.. Ответ на записку?

Л а у р е т т а. А что она скажет?

П р и н ц. Она ничего не скажет мужу.

Она отдает ему записку; он разрывает ее.

Не бойтесь ее, Лауретта. Тайны юной невесты созданы для нее; она одна владеет двумя великими тайнами блаженства: наслаждением и забвением.

Л а у р е т т а. А горе?

Принц. Это раздумье; от него так легко избавиться.
Лауретта. Это тоже тайна?

Удаляются.

Часы бьют одиннадцать.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

ТА ЖЕ ДЕКОРАЦИЯ, ЧТО В ПЕРВОЙ СЦЕНЕ.
ИЗДАЛИ СЛЫШЕН ВОИ ЧАСОВ.

Рацетта. Я не могу отделаться от одного опасения. Возможно ли, чтобы Лауретта не сдержала слова? Горе ей, если это так! Не то чтобы я должен был поднять на нее руку... но мой соперник!.. Мне кажется, что уже в двух местах часы пробили одиннадцать... Не пора ли начать? Я должен войти в этот сад. Заперто, я вижу. О, ярость! Неужели мне не удастся проникнуть туда? Хотя бы это стоило мне жизни, я решился не отказываться от моего замысла.

Время прошло... Ничто не должно меня удерживать... Но как войти? Не позвать ли? Не попытаться ли перелезть через эту высокую стену? Неужели я обманут? Обманут по-настоящему? Лауретта... Если бы мне попался кто-нибудь из слуг, пожалуй, с помощью золота... Нигде не вижу света... В этом доме как будто царит покой. Отчаянье! Неужели я даже не смогу поставить на карту мою жизнь? Неужели я'не смогу решиться на отчаяннейшую попытку?

Слышна музыка; подплывает гондола с музыкантами.

Женский голос. Вот опять Рацетта.

Другой. Я же держала пари.

Молодой человек. Ну что ж, хорошо ли было на свадьбе? Танцевал ли ты с повобрачной? Когда ты сменишься на часах? Ты, верно, кладешь пароль на музыку?

Рацетта. Отправляйтесь веселиться и оставьте меня.

Женский голос. Нет, я держала пари, что на этот раз увезу тебя; иди же к нам, сумасброд, и не смущай нашего веселья. Свой черед каждому; вчера был твой черед, сегодня ты уже не в моде: тот, кто не умеет примириться с своей судьбой, так же безумен, как старик, прикидывающийся юношей.

Другой голос. Поедем, Рацетта, мы ваши истинные друзья и мы не теряем надежды, что заставим вас позабыть Лауретту. Для этого нам только стоит напомнить вам, что вы сами говорили несколько дней тому назад, то, чему вы и нас учили. Не теряйте славного имени, которое вам принадлежит, — имени первого повесы в Венеции.

Молодой человек. Во всей Италии! Едем же, мы отужинаем у Камиллы; там ты снова найдешь всю твою молодость, твоих старых друзей, твои старые недостатки, твою веселость. Ты хочешь убить соперника или утопиться? Оставь эти пошлые выдумки любовникам обыкновенным; вспомни, кто ты, и не подавай дурного примера. Ведь все женщины станут неприступными завтра утром, если узнают, что Рацетта утонялся нынче ночью. Прощу в последний раз — едем ужинать с нами.

Рацетта. Решено. И пусть все сумасбродства влюбленных кончаются так же благополучно, как и мое!

Садится в гондолу, которая скрывается под звуки музыки.